

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
коннетабль

Мизан — борьба, в которой надо драться грабро и честно.

Ричарду это обычно удавалось, однако он уже не радовой рыцарь... Увы, могущественный лорд должен

быть еще и умелым политиком.

Ричард — это ли не граб-вост?

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – коннетабль
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 15

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158725

Орловский Г. Ричард Длинные Руки – коннетабль: Эксмо; М.; 2007

ISBN 1

Аннотация

Зима – не лучшее время для походов. Благородные рыцари пируют в замках, сколько той зимы, а весной, когда снег растает, а потом еще и подсохнут дороги...

Но Ричарду оказаться запертым на месяцы в замке – невыносимо. Тем более, лазейка на таинственный Юг все же есть...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Орловский Гай Юлий Ричард Длинные Руки – коннетабль

Часть 1

Глава 1

С напором и грохотом, словно в захваченную крепость, вошел в натопленный зал громадный человек, поперек себя шире, гулко топал ногами, стряхивая снег, хлопал широко-ми, как лопаты, ладонями по плечам. Обожженное морозом широкое красное лицо стало похожим на закатное солнце.

– Хорошо, – проревел он гулко, – на дворе тихо...

Сэр Растер единственный, кто облачается в рыцарские доспехи с утра и не снимает до вечера, иначе, мол, к лету, когда пора боевых подвигов, не сумеет выбраться из-за стола.

Позванивая шпорами, он прошел к длинному столу, рыцари шумно пируют с утра, облапил на ходу Митчелла, похожего на него больше, чем сын на отца, покровительственно хлопнул по плечу Макса.

– Хорошо!

– Как скажете, сэр Растер, – ответил Макс почтительно. – Во дворе упражнялись?

– Среди нас дураков нет, – гордо ответил Растер. – Особенно дураков выходить в такую погоду. С крыльца на мостик посмотрел, и хватит ей.

– Да, – согласился барон Альбрехт, – нечего ее баловать.

Растер с усилием всадил себя в тесноватое для него кресло, Альбрехт любезно придвинул старшему рыцарю кубок побольше. Растер дождался, облизывая крупные мясистые губы, когда темно-красная струя заполнит до краев, мощным рывком поднял и мгновенно вылил в свой широкий рот, как в пропасть.

– За победы!

– Какие? – опасливо поинтересовался барон.

Растер отмахнулся и обеими руками придвинул к себе блюдо с жареным кабаном.

– Всякие, – прорычал он. – Разные...

Подо мной кресло выше, чем у остальных, тоже указание на статус, но я поглядывал на сэра Растера с острой завистью. Ему все понятно, он тверд и прям, у него строгие жизненные установки, идет по жизни честно и праведно... ну, насколько позволяют обстоятельства. И сэр Митчелл такой же, и сэр Макс, и даже сэр Альбрехт, который каждым словом и жестом бахвалится, что его не сдерживают никакие узы.

Сдерживают, еще как сдерживают! Это вот меня настолько не сдерживают, чему сперва радовался, теперь печалюсь.

Полная свобода – жутковато. Скрываю от всех, даже от себя, что пугаюсь ответственности, оттого и дергаюсь, поступаю иногда так, что потом от стыда горю: то нахамлю старшим и уважаемым людям, то выкажу превосходство над простыми и чистыми женщинами, верными нравственным нормам своего времени... не такими уж и тупыми, если так уж честно, то вообще веду себя не адекватно обстановке...

И все оттого, что остальных что-то ведет, а меня – никто и ничто. Даже самые что ни есть свободные люди на свете, странствующие рыцари, которые никому не служат, только хранят верность своей даме, да и то не все ими обзавелись, – даже они скованы строгой рыцарской моралью, обетами, кодексом чести. Они не забывают перекреститься за столом и сказать несколько слов благодарственной молитвы, каждое слово и поступок регламентируют. За ними следит не только Господь Бог, но и Пресвятая Дева, которой служат куда охотнее, а за мной никто не смотрит, я свободен, свободен, свободен... словно преступник!

Да, самые свободные люди на свете – преступники. Им и людские законы – по фигу, и моральные устои – придуманная фигня.

Господи, что я за чудовище? Повесить бы такое, дык не дамся же...

– Сэр Ричард! – требовательно проревел из-за стола Растер и помахал наполовину обглоданной кабаньей ногой. – Скажите слово!.. Это будет лучшей приправой к обеду.

Альбрехт мягко поправил:

– Лучшая приправа – присутствие на пиру красивой женщины.

Растер замолчал не потому, что немедленно вгрызся в кабанью ногу, а он вгрызся, просто в глазах вспыхнул жадный интерес. Макс посмотрел на меня с вопросом в больших чистых глазах высокорожденного эльфа.

– Сэр Ричард, – произнес он осторожно, – а когда спасенная благородная дама... ощутит себя лучше... она почтит своим присутствием?..

Я стиснул челюсти, из Фриды знатная дама как из меня танцор, но смотрят с ожиданием, я промямлил:

– Ее хрупкая и ранимая натура подверглась... да... колдовство очень мощное... временами забывает, кто она вообще... с нею надо очень мягко, а вы тут напугаете одним только ревом!

Сэр Растер встал и гаркнул так, что огоньки светильников заматались испуганно, словно под порывом урагана:

– Да никто!.. Мы все будем шепотом!.. Как церковные мыши под полом!

Сэр Альбрехт произнес так же вкрадчиво:

– Вообще-то присутствие женщины облагораживает. В каж-дом замке есть благородная дама.

– Да, – проревел сэр Растер, – это как гербовый щит над воротами замка! Кто видел замок без щита?.. Без герба и дамы – собачья будка, а не замок.

Макс сказал обидчиво:

– Замок сэра Ричард захватил только что! А готовой дамы здесь еще не было. Барон Эстергазэ тоже не успел в заботах бранных...

– Да, – согласился сэр Растер несколько добрее, – это хорошо, когда дама уже в замке. Мужа убил, даму изнасиловал – и вот уже твоя дама. Во всяком случае, замковая. В каждом захваченном замке – по даме. Дурак этот барон! Мог бы побеспокоиться.

– Дурак, – согласился и Альбрехт. – Все, кто не с нами, дураки.

Макс перекрестился.

– И Господь их накажет.

Все перекрестились, пробормотали «аминь». Некоторое время слышался только стук ножей по тарелкам и плеск наливаемого в кубки и чаши вина.

Я вытер губы краем скатерти, поднялся.

– Пируйте, пируйте, не поднимайтесь! Набирайтесь сил, скоро лето, пора походов.

Фрида испуганно обернулась на скрип двери. Я видел, как инстинктивно сжалась в комок и сгорбилась в ожидании удара. И лишь увидев, что это не инквизитор, с облегчением перевела дух, даже попыталась несмело улыбнуться.

– Все хорошо, – сказал я с неловкостью и чувством вины, что ничего не могу для нее сделать больше. – Никто тебя больше не тронет!.. Мир жесток, но здесь ты под моей защи-

той, малышка.

Она прошептала со слезами на глазах:

– Я не знаю, как вас благодарить, ваша милость!

– А никак, – пояснил я. – Я просто возвращаю долг.

Она покачала головой:

– Нет, это наш долг – защищать своего сеньора.

– А долг сеньора, – возразил я, – защищать своих людей.

И вообще, давай не меряться, кто кому больше должен. Ты здесь среди своих. Все к тебе настроены дружелюбно и рвутся защищать.

Она широко распахнула глаза.

– Меня? Защищать?

Я пояснил с неловкостью:

– Пришлось сказать, что ты из знатного рода. Но тебя выкрали еще младенцем злые колдуны, и ты росла в чужом замке вместе со слугами. Надо же объяснить мозоли на твоих ладонях.

Она посмотрела на свои розовые ладошки.

– Мозоли? Нет у меня никаких мозолей.

– Правда?

– Конечно, – ответила она. – Уж от мозолей-то я умею избавляться! Сэр Ричард, я уже выздоровела. Мне очень стыдно, что я в вашей постели, как свинья неблагодарная!.. Что подумают? Мне нужно вниз, к челяди. Я буду работать, я все умею делать! Я не буду в тягость...

Я отмахнулся.

– Знаю. Но ты не в тягость. Это я себе прощение так зарабатываю.

Она округлила глаза.

– Прощение? Вы?

– Не трясись, – сказал я почти грубо, – не перед тобой, а перед Богом и потомками. Кого повесил, кого зарубил, кого велел удавить или утопить – забудется, житейские мелочи, все так делают, а вот тебе помог – зачтется. И даст возможность говорить о моем человеколюбии и необыкновенной гуманности. Возможно, только это и останется. Мало кто скажет, чем велик Архимед, а вот что голым бежал по Сиракузам...

Она растерянно хлопала глазами, потом ее личико прояснилось.

– Ой, так вы это потому, что вам так надо?

– Ну да!

Она с облегчением вздохнула.

– Как хорошо! А то я уж себя изгрызла, что ни в жисть не расплачусь за такое... такое...

Я погладил ее по голове.

– Вот видишь, снял с твоей души камешек. Теперь бы кто с моей снял... Ладно, отдыхай, скоро и ты понадобишься. Сколько той зимы... тьфу, прицепится же!..

Она сказала робко:

– Я похожу по замку, можно?

– Иди, – разрешил я, – а то уже чувствуешь себя в такой

же камере, верно?

Она покачала головой, улыбнулась печально и чуть-чуть хитренько.

– Нет, здесь хорошо. Но чтоб другие девушки не подумали, что я заняла вашу постель и никого в нее не пускаю.

От камина несет горячим сухим воздухом. Березовые поленья горят долго, от них всегда такие крупные и радостно-пурпурные угли. Вдоль стен ровно и мощно источают свет горящие фитили в круглых чашах.

А на столе меня ждет удивительная карта, на которой опасаюсь что-то отмечать или черкать: вдруг да отразится в реальности.

За окном блеснул свет, словно солнце прорвалось сквозь тучи. С неба пал узкий луч света, настолько радостный и сверкающий, что сердце ликующе подпрыгнуло. И почти сразу по лучу вниз скользнула блистающая, как первозданный свет, человеческая фигура.

Ангел, а это явно ангел, плыл по воздуху прямо на замок. На миг каменная башня заслонила плазменную фигуру, тут же огненный ангел вынырнул с этой стороны, а затем, пересекая двор по воздуху, вошел в каменную кладку донжона.

Я отпрянул от окна, а из стены вышел в плазменном огне ангел в полтора раза выше самых рослых людей на свете. За плечами отливающие золотом огромные прекрасные крылья, мне показалось, что он весь из плазменного света, настолько блестящ и сверкающ, хотя его свет не режет глаз.

Доспехи изумительной работы, на широких грудных пластинах панциря горят маленькие солнца, в поясе изящен, через плечо шитая золотом перевязь, но оранжевый огненный меч обнажен, ангел держит его в руке красиво и гордо.

Он взглянул мне в лицо, я онемел, лицо безукоризненное, а глаза как два солнца, смотрят мне прямо в душу. Вокруг бестелесного тела бурлит уже не море, а океан звездных энергий, но я не ощутил опасности, ведь это ангел, это его стихия.

– Сэр Ричард, – произнес он могучим красивым голосом, я ощутил его дружелюбие, покровительство и дружеское напоминание, кто он есть, и что его обращение нужно принимать иначе, чем слова гонца любой важности. – Сэр Ричард, тебе послание...

Я сглотнул ком в горле.

– От кого?..

Лицо ангела почти неразлично, помимо солнечных глаз, вижу только безукоризненной формы высокие скулы и широкий подбородок, что создают общий облик существа, рожденного повелевать. Еще я рассмотрел, как губы слегка изогнуло в усмешке.

– От кого? Такое должен чувствовать сердцем.

Я прошептал:

– Неужто... от Самого?

Из плазменного огня прозвучало:

– Сердце твое чует, хотя сам ты и полон сомнений.

– И что... за послание?

– Ты должен укрепить свою власть, – прозвучало из плазменного сияния. – Заставить покориться твоей власти непокорных лордов! И когда вся Армландия будет под твоей твердой рукой, ты должен добиться мира и процветания на отныне своих землях.

– Выполню, – сказал я и поспешно поправил себя, – постараюсь.

– И когда обеспечишь сытость и благополучие, ты должен просветить народ, обучить грамоте! Неважно, благородный или неблагородный восхочет учиться...

– Грамоте? – переспросил я. – Но ведь Иисус говорил, что блаженны как раз тупые и темные. Они, дескать, самые умные... где-то там глубоко внутри, потому их и возьмут в рай. А всякие умники будут гореть в аду.

Ангел кротко молвил:

– Иисус был Сыном Божиим, но все-таки от земной женщины. Кроткой, милой, богобоязненной и красивой, что, как вы понимаете, сэр Ричард, подразумевает некоторую... гм... туповатость, что в женщинах особенно хорошо и ценно. Все мы предпочитаем... гм, красивых, а если учесть, что все люди созданы по образу и подобию...

– Понял, – прервал я. – Господь Бог сам предпочитает туповатых. Нет, мужчин он предпочитает умных, а женщин... милых и щебечущих. Так что Иисус...

– ...был не прав, – мягко закончил ангел. – Учение – свет,

а Иисус по своей молодости полагал, что приятная полутьма лучше... Потому грамотность – одна из приоритетных задач. А также свобода, свобода, свобода! Человек должен реализовывать ее во всех направлениях...

Я слушал, слушал, уже все понятно, сердце стучит, самому страшно до жути, но в то же время задиристость берет верх, а также негодование, что меня стараются обвести вокруг пальца.

Ангел продолжал нравоучать, как я должен себя хорошо вести, это вообще ни в одни ворота, хочу и буду самодуром, я зевнул и сказал с предельным равнодушием, какое сумел изобразить:

– Ладно, кончай трюндеть. Знаешь, морда, пошел нах.

Ангел застыл на мгновение, затем из огня раздалось потрясенное:

– Что?

– Пошел, – повторил я с удовольствием, не каждый день можно послать ангела, – пошел, пошел, пошел... Меня, знаешь ли, уже пробовало разводиться и покруче жулье, чем ты! Так что иди и являйся местным простакам. А я хлопец тертый.

Пылающая огнем фигура стала выше, очертания лица стерлись, теперь это сплошной бьющий в глаза свет.

– Да как ты смеешь?

– А вот смею, – ответил я нагло.

– Но... почему?

– Ты прокололся, – сказал я покровительственно. – Теперь понимаешь, почему Творец создал вселенную и отдал ее нам, несовершенным людям, а не вам, ах-ах каким совершенным?

Из плазменного огня донеслось:

– Не понимаю...

– И почему Творец, – сказал я, – послал сына своего, чтобы примириться с восставшим против него человеком и попытаться спасти его, человека... а не вас, совершенных ангелов? Вот, и этого не понимаешь... А я вот знаю, но не скажу. Так что иди-иди-иди, разводи лохов на вокзалах. Ты попал, хлопец, понял? Я тебе поставил простейшую ловушечку, а ты туда сразу, как дурак... кем ты, впрочем, и являешься.

Он исчез, словно его выключили, уже без торжеств и фанфар, а я хоть и с жалко трепещущим сердцем, но собрался с силами и похлопал себя по плечу: Бэкон прав, знание в самом деле – сила. Это малограмотные деревенские старушки да еще интеллигенты представляют верных Творцу ангелов светлыми, а Сатане – темными, а я не они, я-то грамотный!

На самом деле Свет и Тьма – понятия условные, больше нравственные, чем физические. И по этому поводу Библия предупреждает, что ни в коем случае нельзя доверять первому попавшемуся ангелу, поскольку тот может оказаться не вестником от Бога, а одним из падших ангелов.

А полагать, что наши должны быть обязательно в белом и чистом, а не наши в темном и коричневом, все равно буд-

то все красивые люди – честные и замечательные, а некрасивые – преступники, фашисты и даже, страшно вышептать, патриоты.

Хороши были бы взбунтовавшиеся ангелы, если бы являлись человеку в виде грязных закопченных чертей с рогами, копытами и хвостами, да еще дурно пахнущих смолой и серой! Кто бы с ними разговаривал...

Но такова уж леньность человеческого сознания. Если не наши – то сплошь гомосеки и спидоносцы, у них на морде написано, что дряни и подонки. Ну, как в старом кино, когда с первой минуты ясно, кто немецкий, а потом американский, шпион.

Ловушечку я поставил в самом деле проще некуда: спросил о Христе. Умным известно, что Божий ангел никогда не будет свидетельствовать против Иисуса Христа и говорить то, что противоречит Слову Божию. Если же ангел говорит не то, что в Библии, или трактует Священное Писание не так, как учил Иисус, то этот ангел послан не Богом, не Богом. Еще апостол Павел предупреждал: *«Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»*.

Снизу доносятся не то крики, не то удалые песни, я уже выучил их наизусть все, но сейчас не до песен, как мне, так и другим. Появление ангела видеть могли многие, и меня пробирает запоздалый страх: а не расправится со мной ангел за такое хамство? Тем более падший. Ему море по колено, ни-

кто не указ, Творцу не подчиняется... Он же меня как Бог чере-паху...

Однако, насколько помню, ангелы все-таки ограничены в своих возможностях. Да, могут мгновенно переноситься на любые расстояния, их не удерживают ни двери, ни стены, ни горные хребты: бестелесность рулит, однако ангелы не знают будущего, не понимают смысл пришествия Христа, не постигают помышления не то что Творца, но даже людей... Вообще-то будущее иногда предсказывают, но всегда только по откровению свыше. И вообще, еще раз: этот мир Бог создал для человека, и только человек в нем царь, слуга и свинья в одном лице. А все остальные либо служат ему, либо пошли вон.

Так что навредить мне – руки коротки. Все эти драки человека с ангелом или чертом – оставим для безграмотного Голливуда и самых тупых, что называют себя интеллигентами и читают высокую прозу. А я все-таки не они, я ж умница, вовремя все усек...

Глава 2

В коридоре как будто море осторожно шумит, я с некоторой опаской распахнул дверь. Толпа рыцарей, некоторые даже в доспехах и при оружии, стоят плотной стеной, как застывший девятый вал. За их спинами челядь, эти как селедки в банке, но и благородные, и простые смотрят на меня с благоговейным ужасом.

– Что-то случилось? – спросил я.

Сэр Растер гаркнул:

– Сэр Ричард, да все видели, как в небе блеснула звезда, а потом понеслась к нашему замку! И, превратившись в величественного ангела, вошла сквозь стену в ваши покои!.. Мы тут же, честно говоря, примчались. Даже ваши голоса слышали через дверь, только слов не разобрали...

Я протянул:

– А-а-а, вот вы чего...

Сэр Растер перекрестился, за ним перекрестились и остальные. Даже сэр Альбрехт осенил себя крестным знамением.

– Сэр Ричард, – воскликнул он, – но ведь ангел же!

Я пожал плечами:

– Ну и что? Мне, как паладину, с кем только не приходится общаться. Святость, она, знаете ли, накладывает, а то и налагает даже... Это так, трудовые будни паладина. Не об-

ращайте внимания. Просто другие ангелы прилетали тайно, чтоб народ не отвлекать от нужных и важных дел. Вас вон даже из-за стола подняло из-за такой ерунды...

Сэр Растер воскликнул с чувством:

– Да! Из-за стола!.. Не подняло, а прямо выдернуло! Но мы вот такие, бегом даже из-за стола с хорошим вином ради такого зрелища... А что? Это к вам стаями, а я ни одного близко не видел! И что он сказал?.. Ох, простите...

– Да ничего особенного, – ответил я буднично. – Что может мне сказать ангел, чего я сам не знаю? Вы меня удивляете, сэр Растер... Что-то я и так знал, о чем-то догадывался. Обычная рутина... Ребята, вы не отвлекайтесь, не отвлекайтесь!.. Сколько той зимы? А в походах не до застолий будет. Идите догуливайте и догулёнывайте. Подумаешь, ангел! Да хоть и архангел...

Расходиться не стали, прежним составом двинулись по направлению к нижнему залу, где слуги уже успели сменить блюда и вина на столе, а не успели – выдрать лодырей...

Только сэр Макс задержался, в чистых голубых глазах безмерное уважение, он прошептал с великим почтением:

– Как много вы знаете... И слова все такие новые...

– Да, – ответил я горько, – есть страны, где это самое главное. Много слов, разных и раскудрявленных, и... ничего за словами.

Он спросил осторожно:

– А вы оттуда сбежали в Армландию?

– В самую точку, Макс. Только раньше я не знал, что сбежал. А теперь знаю.

Он сказал по-юношески радостно:

– Ну вот и хорошо. И для нас.

– Спасибо, – сказал я, – но теперь, когда я понял наконец-то, что сам не хочу возвращаться, легче не стало. Потому что ориентиры неожиданно поменялись. Или хотя бы сместились. Я ведь пер напралом на Юг, на Юг, на Юг, как три сестры в Москву, даже по сторонам не смотрел! Может быть, уже задавил кого. А на Юг только потому, что оттуда надеялся с помощью магов в свое королевство...

Он спросил почтительно:

– Сэр Ричард, вы там были королем?

Я отмахнулся:

– Да ерунда это все. В чем-то и повыше короля и даже императора, в чем-то ниже простого кузнеца, дело не в том. Я шел не к той цели, а когда вдруг понял, что пружина не туда... тут-то от меня и ушла карта! Сейчас вот сижу, как Будда какой, мыслю... представляешь?

Он с печалью в глазах покачал головой:

– Не представляю... Вы же рыцарь!

– Я тоже раньше и подумать такое не мог! Что за дурь – мыслить? Когда все промыслено, взвешено и решено благодетелями за нас, нам остается только развлекаться... И вот сейчас думаю, думаю, будто лошадь какая. Ладно, беги, а то и ты таким станешь... Вдруг это заразно?

Он послушно побежал догонять остальных, а я в самом деле думал и думал, уже не как лошадь, а как целый табун. Стремление на Юг, как ни странно, не утихло, но теперь понимаю, что сейчас это вовсе не попытка ушмыгнуть в прежний мир. А еще крепнет желание в этой гребаной Армландии переделать и перестроить, создать совершенный мир коммунизма, где церковь устраивает крестовые походы за веру и разрабатывает в монастырях атомные реакторы, олигархи качают нефть и все такие добрые и гуманные, а счастливый народ поет, танцует и размахивает флагами...

...Снизу доносится мощный рев, под сводами нижнего зала гремит боевая походная. Чувствуется энтузиазм, все видели ангела, теперь все сметем: с нами Бог, кто против нас?

Если кто и сомневался в моих возможностях рулить в Армландии, завоевывать и перекраивать, «чтоб всем было хорошо», то теперь уверовали, ликуют и умиляются, а за мной готовы хоть в преисподнюю. Я слушал, улыбался, кивал, хорошо знаю насчет энтузиазма. Пока им горим, готовы хоть Царство Небесное для всех людей на свете строить, то есть коммунизм, но энтузиазм постепенно испаряется, нельзя вечно им жить, даже долго удастся продержаться далеко не всем...

Но с охваченной энтузиазмом толпой спорить бесполезно. Самое толковое – это соглашаться и медленно и неторопливо поворачивать эту толпу на другую дорожку, уверяя, что все так же прём прямо и бесстрашно к светлому будущему.

Радостные вопли перехватили меня на середине лестницы. Рыцари дружно встали с наполненными кубками в руках, сэр Растер мощно прокричал здравицу в честь сюзерена, к которому ангелы прилетают, как мухи к цветам.

Я посмотрел на него с подозрением, но Растер и сам не понял, что сумничал не совсем то, да никто и не вслушивается в слова, интонация и могучий властный голос важнее. Все орали, протягивая в мою сторону кубки, потом лихо опорожняли, за сюзерена нужно до дна.

Вскинув руки, я милостиво улыбался и спускался, стараясь не оступиться на покрытых красным сукном ступеньках, слишком мелких для сапог моего размера.

– Все сделаем, – сказал я в ответ на радостные вопли, – все сделаем...

– Ура! – прокричал сэр Растер.

Я уловил иронический взгляд барона Альбрехта, но назло ему солнечно улыбнулся и сказал:

– Да-да, ура мне.

Мне кричали здравицу и когда я вышел в холл. Там холодно, а под дверь, несмотря на все ухищрения, ветер забивает снег. Три шубы висят на крюках, чтобы сразу можно накинуть на плечи и выскочить во двор.

Я ожидал увидеть метель, доверяя сэру Растеру, но день ясный и солнечный, морозец не чувствуется, двор вот уже несколько дней как вычищен до каменных плит.

Мысль продолжала тянуть ту же нить, словно из старого

ленивого паука: проще всего, конечно, собрать нужную мне команду, приготовить все необходимое для постройки замка... или там на Юге нет замков?.. и отправить все это на корабле. А самому прыгнуть через туннель. Не сразу, а прикинуть, что плыть будут примерно с месяц, вот и успеть туда за сутки. Но этот великолепный и рассчитанный на мои уникальные возможности план разбивается о самую простую вещь: я не знаю, в каком месте южного материка находится нуль-туннельный выход.

Наверное, придется все-таки сперва туда самому, но на этот раз добраться до обитаемых земель. По возможности приобрести карту, чтобы провести линию от места высадки корабля до той странной выжженной пустоши.

Через холл прошмыгнул человечек в шубе, я остановил окриком:

– Миртус! Что-то редко вижу тебя. У тебя как с работой? Мой дворовый маг отвесил торопливый поклон.

– Ваша светлость, работы продвигаются...

– ...над созданием философского камня, – подхватил я, – который сделает меня богатым, вечно юным и даже исполненным необыкновенной мужской силы!.. Миртус, оставь эту хрень. Ты столько раз уже говорил ее предыдущим властелинам, что теперь вроде отченаша. Меня это не интересует, я тебе уже говорил, а ты все никак не поверишь. А интересует меня, как я тоже говорил, даже не магия!

Он смотрел настороженно, замер в согбенном положении,

готовый к немедленному поклону, как истинный интеллигент.

– Будешь заниматься наукой, – сказал я со вздохом, – меня, собственно, интересуют больше плоды науки, но, увы, их сперва нужно вырастить. Потому сосредоточимся на самых приоритетных. То есть тех, что дадут немедленную прибыль и удвоение вэвэпэ. Ну, вэвэпэ пока оставим, как и фундаментальные исследования, а прикладными займемся.

Он суетливо поклонился.

– Что угодно будет приказать?

– Сам еще не знаю, – признался я, – с чего начинать. Во-первых, твоя лаборатория маловата. Ерунда это, а не лаборатория. Пришло время не кустарей-одиночек, а коллективно-го творчества! Скажем, научно-исследовательского... гм... коллектива. Я вот сейчас хотел было сказать, что подберу помещение побольше, но сам же и засомневался. Не фиг приспособливаться под природу, надо нам самим ее нагибать и приспособлять под себя и свои неотъемлемые нужды. То есть есть у меня смутная задумка построить большой замок! А там, естественно, хорошо бы не подвальчик для твоей лаборатории, а настоящий... да, что-то помасштабнее. Правда, тебя это не касается, ты же высоколобый... Честно говоря, мне казалось, что мне есть что тебе сказать, а выяснилось, что пока нечего. Тяжело быть феодалом! Главное пока запомни: никакого философского камня! Никакого эликсира бессмертия! Только основы механики, математики, геомет-

рии... и всего, что на их основе можно смастерить нужного для хозяйства. Ага, вот еще! Я уже пригласил перебраться ко мне кое-каких магов, которых знаю лично я, так что тебе придется работать в коллективе. Конечно, если ты мизантроп какой, то трудись в одиночку...

Он сказал торопливо:

– Нет-нет, вдвоем работать быстрее и легче!

– Приедет больше, – сказал я без особой убежденности. – Так что создадим собственную научную школу. Я тебе тоже вроде бы говорил, чтобы зазывал знакомых магов? Скажи, будут созданы хорошие условия для работы, гранды и бонусы обещаны. Правда, сам отсею тех, кто мозги пудрит обещаниями насчет философского камня. Но только деликатно, не хочу ссориться с научной общественностью.

Его глаза блеснули, но тут же опустил веки, чтобы я не уловил, что он там думает на самом деле.

– И вот еще, – сказал я, вспомнив кое-что из школьной программы для младшей школы, – для тебя есть особое задание. Серьезное! Нужно создать некий механизм... нет, даже машину! Да, машину. Называется паровым двигателем. Сейчас я тебе быстро набросаю чертеж... Иди за мной.

Он покорно тащился следом через зал, где пирует рыцарство, по лестнице и длинному коридору. От его фигуры веяло такой безнадегой, что едва не отправил обратно.

Но в моих покоях он следил за моими движениями с непроницаемым лицом, ни словом, ни взглядом не выдал от-

ношения к тому, что может начертить сеньор, искусно владеющий копьем и мечом. Я тоже помалкивал, пока быстро не набросал схему. Миртус добросовестно тарашил глаза, я водил пальцем по рисунку.

– Видишь, котел?.. В него наливается вода, обыкновенная вода. Не святая и не чародейская. Ее кипятим, пар выходит по этой трубке и толкает вот эту пластину, а она поворачивает вот этот вал...

Он спросил с поклоном:

– А почему пар будет толкать ту пластину?

Я спросил в свою очередь:

– Ты когда-нибудь бывал на кухне?

– Бывал, ваша светлость.

– Неужели не видел, как подпрыгивают крышки кастрюль и даже котлов, когда закипает похлебка?

Он ответил медленно:

– Да, но...

– Что? – переспросил я. – Ага, врубился?.. Если тяжелую чугунную крышку котла подбрасывает, то это сила? Надо только котел покрепче, а то разор-р-р-рвет. Пар – он такой, свободная натура, ему все равно куда, лишь бы на свободу. А мы такие, дадим, но сперва пусть покрутит эти лопасти... Словом, суть ты понял. Понял? Ну, а сработает или нет, увидим, когда все будет готово.

Он взглядом попросил разрешения взять чертеж, хотя, думаю, и так все запомнил. Просто нужна страховка, чтобы ко-

гда ничего не получится, указать на чертеж: вот, все сделано, как вы мудро изволили велеть...

– Миртус, – сказал я вдогонку, когда он был уже у двери, – я мог бы прикинуться эдаким гением, чтобы ты меня совсем заважал... по-настоящему, а не так, как сейчас, но скажу правду: не я придумал эту штуку. Это давно пашет в моем прошлом королевстве! Так что берись, не думая, что я дурак. Я дурак в другом, а в этом не совсем уж круглый... Все получится.

Он впервые за время разговора улыбнулся.

– Спасибо, ваша светлость. Начну прямо сейчас.

Глава 3

Слуга внес на широком подносе золотые кубки, украшенные драгоценными камнями, молча поставил на стол глиняную бутылку с множеством выдавленных печатей. Ему явно хотелось остаться обслуживать сеньоров и заодно послушать их речи, но я отослал его жестом, сам взялся наливать себе и барону.

Сэр Альбрехт пригубил вино, вскинул брови.

– Прекрасно! Тонкий аромат, дивный вкус...

– Знаете, барон, – сказал я с досадой, – вы бы хоть раз сказали правду! А то все у вас прекрасное, дивное, замечательное, редкое, отменное... Я уж и не знаю, когда в самом деле хорошо, а когда брешете, как самый что ни есть шелудивый пес в крестьянском дворе.

Он слегка приподнял бровь, взгляд стал ироническим.

– Дорогой сэр Ричард, я же воспитанный человек благородного сословия! Ну что мне, трудно сказать хозяину приятное? Все равно как любой женщине можно говорить, как молодо выглядит. И как сегодня особенно свежа!.. Все довольны, всем нравится, а значит – я в их глазах милый и замечательный человек!.. Но, вспомните, я вам никогда не комплиментю, когда касается серьезных дел. И сейчас вот напомним неприятное...

– Ну-ну!

Он сказал холодно:

– Вам предложили гроссграфство, однако власть над Армландией должны устанавливать сами. Из той части лордов, что признают вас гроссграфом, некоторые могут выделить в помощь войско, хоть и немного, остальные же останутся с интересом следить, как попытаетесь нагнуть остальных...

– А кто из лордов отказался признать мое гроссграфство?

Он пожал плечами:

– Сразу не скажешь.

– Почему?

– Часть не признает именно вас, а другие – никого. Им выгодно быть крохотными королями в своих владениях.

Я сказал настороженно:

– Но это нехорошо. Я посмотрелся на самоуправства маркиза де Сада, Синей Бороды и его жены Салтычихи... так что не надо про свободы! Лучше уж абсолютизм, чем такие свободы олигархов. Давайте перейдем к тому столу, там пошире. Поглядим на карту.

Он пропустил мимо ушей упоминания о непонятных личностях, вино все же допил, значит, не совсем дерьмовое, а может, это не он осушил кубок, а хорошее воспитание это сделало. Пойми воспитанного человека, эти всегда брешут, из-за чего всегда уютно и приятно находиться в их обществе.

Я раскатал рулон с картой, края прижали кинжалом, чернильницей и тяжелыми золотыми кубками.

– Вот смотрите, – произнес он трезвым голосом, – здесь

ваши сторонники. К счастью, их владения граничат одно с другим, они выступают как единое целое. Этот вот край – против вас. А эти лорды, смотрите, просто разбойники. Воспользовались удаленностью от короля Барбароссы, слабостью центральной власти...

Я навис над картой, изучая диспозицию. Среди гор, если присмотреться, можно рассмотреть красивый гордый замок.

– Здесь кто?

– Очень точно, – заметил барон одобрительно. – Поздравляю, вы сразу отыскиали самое важное звено в обороне противника. Хотя, конечно, противник – лорды, когда всяк сам за себя, но это замок самого сэра Белоголового.

– Самого, – пробормотал я. – А чем он славен?

– Прежде всего, – ответил барон, – твердыня несокрушима. А еще она, как видите, на вершине горы. Она так и называется – Орлиная. Графа Белоголового одолеть можно только на равнине. Да и то если будет только со своим личным войском.

– Вассалов много?

Он вздохнул.

– И вассалов, а еще больше – родни. Все, как один, отважные рыцари. Сердца кипят доблестью, души жаждут подвигов. Сэр Ричард, начинать нужно не с Орлиной горы и не с Орлиного замка.

– А как?

– Сперва покорить, – сказал он наставительно, – тех, кого

проще. Если под вашей властью окажется больше половины Армландии, еще часть можно склонить на свою сторону с помощью переговоров. А с оставшимися то ли воевать, то ли с помощью взаимных уступок...

Я внимательно всматривался в карту. Голова начала кружиться, я перешел на телескопическое зрение и теперь старался не шевелить головой и даже не двигать глазами, а то изображение слишком резко прыгает из стороны в сторону.

– Три ряда стен, – напомнил барон. – Представляете? Это три крепости, вложенные одна в другую. Двадцать исполинских башен из таких глыб, которые не пошатнуть никакими ударами таранов. Только в башнях может разместиться огромное войско, а что говорить про саму крепость?.. Известно, что когда семьдесят лет тому здесь проходил император Гард Беспощадный, он даже не попытался остановить свое огромное войско, чтобы захватить крепость. Он сразу увидел, что ее не взять, а терять время и репутацию искусного воителя не хотел. Сейчас там лордом, как я уже сказал, сэр Белоголовый, воин умелый, решительный и донельзя отважный. За ним идут в бой охотно, потому что первым бросается в бой, а выходит из него последним.

– Это хорошо, – сказал я задумчиво.

Он взглянул на меня быстро.

– Даже и не думайте! Он не дурак. Увидев со стен большое войско, просто запрет ворота и не высунет носа.

– А осада?

– Говорят, у него несметные запасы. Может спокойно пережидать осаду хоть двадцать лет.

– Это хорошо, – повторил я.

– Чем же хорошо?

– Что он так думает. И что другие так думают. И что даже вы так думаете! Уверенность порождает беспечность. Лишь бы не применили никаких магических штучек...

Он спросил настороженно:

– У вас есть какие-то подозрения?

Я покачал головой:

– Нет. Когда я захватил свой первый замок, я был один. А замком правил могучий колдун. Остальные даже не успели вмешаться. Второй и третий замок принадлежали грубым и диким воинам, что сами недавно захватили те крепости и не успели еще укрепиться. Но здесь, как я понимаю, замки родовитой знати.

– Верно. И что из этого?

Я вздохнул.

– За что еще уважаю церковь, так за узду, которую хочет набросить на человечество. Чтобы все – в пределах правил. Хоть война, хоть семейная жизнь. Даже привычки, с какой ноги слезать с постели, а с какой заходить в туалет. Потому и магию уничтожает, что от магии столько неожиданностей... Я вот тоже не хотел бы, чтобы по нашему войску пальнули из магических орудий. Или чтоб его атаквали невесть откуда

взявшиеся драконы! Или мертвецы вылезли из могил.

Он подумал, кивнул.

– Вы правы, сэръ Ричард, – сказал он неохотно, – у некоторых есть всякие штуки. Разные. Все помалкивают, все-таки церковь осуждает, да и не по-рыцарски таким пользоваться... Но когда припрет, кто-то может и ухватиться за последнюю возможность спасти шкуру и защитить замок!

– То-то и оно, – сказал я хмуро. – Одно дело, когда только у тебя, другое – когда и у других. Ладно, будем работать и над этим.

На другой день Миртус долго сверялся с картами и справочниками, рискуя тем, что сочтут неумехой, другие маги отвечают быстро и бодро, наконец сообщил осторожно, что трое суток будет ясная погода, а потом придет большая снежная буря. Каждый год налетает день в день, так что наверняка все повторится...

Сэръ Альбрехт спросил скептически:

– А может и не повториться?

– Может, – ответил Миртус, он взглянул на меня исподлобья, – но вероятность мала.

– А точно сказать не можешь? – спросил Альбрехт настойчиво.

Миртус вздохнул и развел руками:

– Думаю, никто не может. Даже великие маги не могут поменять лето и зиму.

Я прервал:

– Хорошо, Миртус. Можешь идти... пока. Но скоро понадобисься. Я планирую поход, ты пойдешь с нами.

Он охнул.

– Ваша светлость... зимой?

– Да что вы все про зиму, – ответил я с досадой. – Другие ведь зимой тоже спят? То-то. Ладно, иди.

После его ухода Альбрехт произнес задумчиво:

– Сутки на сборы, а еще двое на то, чтобы добраться до Орлиной горы. А там нас буря благополучно погребет под снежным саваном. Все войско. Косточки отыщутся только весной.

– Всегда слушаю вас с удовольствием, – сказал я. – Вы такой оптимист, барон, такой оптимист!

Замок гудел от подвалов до крыши, никто никогда не воюет зимой, однако сеньор куда-то собрался, немислимо, все же, к моему облегчению, рыцари оживились и быстро собрались в нижнем зале, уже в доспехах и при оружии. Я спустился с лестницы нарочито замедленно, все-таки заставляю себя хотя бы внешне выглядеть крупным феодалом, отечески улыбнулся и вскинул руки в приветствии.

– Счастлив видеть вас... в полном боевом! Надеюсь, все это пригодится.

Сэр Растер спросил торопливо:

– В поход?

Альбрехт сказал негромко:

– Сэр Растер, хоть иногда думайте, что спрашиваете.

Растер ответил обидчиво:

– Если сначала думать, а потом говорить, то другой успеет вставить свой анекдот раньше!

Я ответил Растеру и всем:

– Да, предстоит небольшая прогулка. По непроверенным агентурным, но заслуживающим доверия данным, нам придется столкнуться со злобными и ужасными орками!.. Так что будьте готовы. Кто чувствует себя плохо после вчерашнего перепоя, может остаться. Кому-то нужно охранять замок в наше отсутствие.

Выступили прямо с полудня; застоявшиеся кони достаточно бодро пошли по накатанной крестьянами дороге, солнце светит яркое, ясное, небо синее. В арьергарде на спокойном мерине едет Миртус, нахохленный и недоумевающий, с ним мешок всяких колдовских снадобий. Сэр Растер то и дело останавливается, пропуская мимо себя рыцарей и простых ратников. Он назначен главой основного отряда, горд настолько, что сам ржет, как его конь, придиричиво проверяет боевую готовность всех, даже рыцарей Макса, которым я отвел вспомогательную роль.

На десятой миле меня догнал Макс, вид смущенный, заговорил, понизив голос:

– Сэр Ричард, вы не сбились с пути?

– Вроде бы нет, – ответил я, – а что?

– В Орочий лес нужно взять левее, – напомнил он тихо.

– Ты прав, Макс, – сказал я поощряющее.

Он посмотрел на меня с надеждой.

– Мы... обходим какое-то препятствие?

Я покачал головой.

– Макс, ты первый заметил отклонение от маршрута, тебе и скажу первому... Мы не в Орочий лес идем! Мы вообще идем не в лес. Что нам там делать, когда грянет снежная буря?.. Но спасибо за доверие, что пошел. На самом деле цель – Орлиный замок.

Он охнул, округлил глаза.

– Сэр Ричард!

– Знаю, – ответил я, – но там нас не ждут. Даже летом никто не пытается взять Орлиный. Зимой же вообще смешно... А уж в снежную бурю...

Он захлопнул рот, подумал, спросил тихо:

– Атака будет во время бури? Когда нас не увидят?

– Примерно так, – ответил я. – Но только примерно. Спасибо за доверие, Макс!

Далеко впереди показался бредущий через целинный снег огромный беложупый зверь, почти неотличимый от снега, размером побольше полярного медведя, с коротким хвостом и странно-человечьей мордой, даже лицом, хоть и звериным. Он шел легко, взрывая снег, позади остается широкая и утоптанная до самой промерзлой земли колея.

Я ощутил, что этот зверь даже тяжелее и плотнее, чем выглядит: из снега только голова и спина, а движется так, словно идет через легкий туман. Рыцари оживленно переговари-

вались, кто-то даже взял копье на изготовку, выказывая рыцарскую доблесть и отвагу, но атаковать не спешили.

К нам подъехал барон Альбрехт, Макс вежливо попрощался и попросил позволения отбыть к своим рыцарям. Я кивнул, Макс пустил коня рысью.

Альбрехт задумчиво посмотрел ему вслед.

– Что-то он меня не больно любит. А я ведь его ничем не обидел...

– Он чистый рыцарь, – объяснил я.

– А я?

– А вы не чистый, – ответил я злорадно. – Кстати, что там за зверюка? В моем королевстве такие не водятся.

– Здесь тоже редкость, – ответил барон сумрачно. – Никто не знает, что за зверь. Никто никогда не видел детенышей.

– На них охотились?

Он хмыкнул.

– С нашими героями как же без этого? Сперва, правда, пытались еще мужики, мех вон какой шикарный... Да только никому не удавалось. Этот зверь, его называли лешака, что-то вроде быка: на людей не нападает, даже не сразу начинает отбиваться.

– А если начинает?

Он отмахнулся.

– Для него завалить рыцаря с конем вместе – пустяк. Но никогда не терзает жертву. Так, ломает шею или раздавит грудь, потом уходит. В конце концов на них перестали обра-

щать внимание. Ходит и ходит. Нам не мешает, мы – ему.

– Но самолюбие задевает, – отметил я, провожая взглядом лешаку. – Ишь, толстожопый... Цари мы или не цари на планете, которую Господь подарил нам?

– Права на царство надо еще доказывать, – напомнил барон. Глаза его насмешливо блеснули. – Как и на гроссграфство.

За сутки прошли половину пути, даже чуть больше, а к наступлению ночи показался высокий частокол небольшого городка, что уже выплескивается отдельными домами и даже улицами за пределы. Я напомнил рыцарям, что никаких бесчинств, мы не на чужой территории, не только грабить, даже насиловать нельзя, это будет прямым оскорблением своего сюзерена.

Впрочем, ночью в городе все равно почти никто не спал: горожане с тревогой прислушивались к веселью благородных, а рыцари разносили таверны, таскали в сараи на сеновалы девок, сэр Альбрехт напомнил строго, что если кто не расплатится, того отчислят из похода, и когда мы утром покидали город, то бургомистр раскланивался и вполне искренне приглашал приезжать чаще.

Солнце с утра встало ярко-красное, я бы сказал, зловеще-красное, а кто-то из рыцарей пробормотал старую примету: если солнце красно к вечеру – моряку бояться нечего, если красно поутру – моряку не по нутру...

Дорога шла между холмами, пару раз миновали настоя-

щие горы, одна все же покатая, уже разрушающаяся, а другой будто всего несколько миллионов лет, что значит – молоденькая, свеженькая, только что родилась, с блестящей от гигантского разлома поверхностью.

Мы ехали вдоль этой отвесной стены, мимо меня проплывает заснеженная поверхность, кое-где с уступов уже нависают сосульки, я смотрел по большей части вперед, как вдруг будто электрический заряд пронзил тело. С уступа смотрит живыми любопытными глазами ярко-зеленый зверь с приподнятыми для взлета крыльями. Тело покрыто крупной изумрудной чешуей, пасть распахнута, как у собаки, которой жарко, блестят острые клыки, тоже зеленые, все тело налито взрывной силой и жаждой действия.

Лишь в следующую секунду я сообразил, что зверь отлит... или не отлит, а сделан как-то иначе из непонятного мне металла. И сразу пришла оторопь и горестное изумление: ну кому, кому понадобилось это дивное произведение искусства здесь, среди мертвых скал?

Рыцари, проходя мимо, крестились, шептали молитвы, плевали через плечо, хватались за амулеты. Барон Альбрехт, перехватив мой взгляд, заметил ровным голосом:

– Да, такое в наших краях случается.

– И часто?

– Кому как, – ответил он. – Народ привык не обращать внимания. Каждый все еще озабочен, как выжить!.. И рыцари, и даже крупные владетели. А это – остатки старого мира.

Крестьяне у нас здоровый люд. Сперва убеждаются: кусается или нет, вредит или нет, потом думают, как приспособить в коровниках и загонах для свиней, а если и это не удастся, сразу теряют интерес. И проходят мимо, не замечая. Ну, как мимо трещин и выступов...

– Да, – согласился я, – сперва нужно накормить народ. И одеть. И обусть. А черед духовной пищи придет потом.

Он покосился на меня с непониманием.

– Духовной? Священники духовную ставят впереди. Никто не возьмет ложку, не прочитав молитвы.

– Я о другом, – объяснил я. – Когда, изнемогая от жажды, ползешь по раскаленной пустыне и думаешь только о глотке воды, весь мир сужается до чашки с водой! Но если доберешься до родника, напьешься от пуза, тогда только и замечаешь: батюшки, да какой же мир, оказывается, огромный! И сколько в нем чудесного!

Барон подумал, кивнул.

– Да только напиться трудно, сэр Ричард. Одному глотка хватит, а другой уже как корова раздулся, а все пьет и пьет! И никогда мира не увидит.

Глава 4

Когда Орлиная гора красиво и гордо замаячила на фоне синего неба с наползающими с востока серыми облаками, барон Альбрехт сказал предостерегающе:

– Снежная буря в самом деле будет нешуточная!

– Зато впереди приз! – сказал я.

– А если застанет по дороге?

– И должно застать, – ответил я. – При хорошей погоде, как вы сами говорили, нас из того орлиного гнезда заметят Бог знает с какого расстояния.

Он нахмурился, покрутил головой.

– Не знаю, не знаю. Зимой не воюют.

– У нас не война, – ответил я терпеливо. – А короткий рейд по захвату чужого замка. Только и всего. Мужайтесь, барон!

Небо постепенно заволакивало серыми облаками. Те сменились тучами, а тучи неспешно превращаются в огромный угольно-черный массив, широкий и тяжелый, как Уральские горы. Поднялся ветер, начал поднимать с земли снег. Сперва дул в спину, как бы обнадеживая, потом заходил то справа, то слева, а когда отделились от города достаточно далеко и он убедился, что не вернемся, развернулся и злорадно набросился спереди.

Резко похолодало, ударил мороз. При каждом вдохе в гор-

ло забивало снег, а когда я пытался дышать только носом, не хватало кислорода. Пасть жгло, как кипятком, лицо стягивало холодом. Я на ходу прикрывал лицо ладонями, но ветер ухитрился вдуть колючий снег даже под веки.

В довершение всего с неба начал сыпать снег, мелкий и противный, даже не снег, а ледяная крупа. Ветер и его подхватывал и с размаха швырял в лицо. Можно, конечно, опустить забрало, но так набивается в щель, а у подбородка начинает то таять, то превращаться в льдину.

Затем пришла настоящая вьюга, я видел только силуэты двух едущих впереди всадников, дальше все скрывалось в белой пугающей тьме. Снег носится вихрями, тугими волнами, ударяет с такой силой, что кони шатаются и сбиваются с шага.

Сквозь белую пелену донесся хриплый голос Растера, больше похожий на лай большого простуженного пса:

– Держаться вместе!... Не отставать!

Потом я увидел Макса, он суетливо растирал лицо ладонями, склонившись к самой конской шее. Ветер снова сменил направление, я начал тревожиться, что в такой метели просто заблудимся. Небо все темнело, видимость ухудшалась.

Сэр Растер во главе ударной группы догнал меня, прорывал сквозь рев ветра:

– Уже близко!

– Ночь впереди, – напомнил я.

— Ну и что? — удивился он. — Мимо горы не пройдем. Мы, можно сказать, о нее лбом ударимся... га-га-га!

Еще и ржет, мелькнуло у меня в голове. Нет, все-таки я неженка.

Захода солнца никто не видел, даже затянутого тучами неба не видно: пурга со всех сторон, но быстро стемнело, буря начала стихать, зато мороз усиливался. Ветер, сжалившись, дул в спину, словно подгоняя к замку, мол, самому хочется посмотреть, чем все кончится. Я покачивался в седле, Зайчику хоть бы хны, а у меня все тело окоченело, руки отказываются гнуться.

Усталые кони едва передвигали ноги. Мы рассчитывали достичь замка к вечеру, а сейчас уже ночь, а мы не добрались даже к подножию Орлиной горы. Ветер снова зло и пугающе задул прямо в лицо, но в небе наметились просветы. В слабом лунном луче передо мной бешено неслись мелкие иголочки-снежинки. Уши уже не мерзнут, я решил, что вместо них ледышки.

И еще: наступила тишина, я снова услышал хруст снега под конскими копытами, звяканье сбруи, деловитый звон доспехов. Но ветер не утих, просто перестал набрасываться то справа, то слева, а дует свирепо и упорно прямо в лицо.

Снег сыпется, как крупа из прорвавшегося гигантского мешка. Мороз пробирает до костей, я уже проклинал себя за глупейшую затею, когда ветер стих так резко, словно отрезало. И одновременно я услышал его злобный и разочаро-

ванный вой, он был совсем рядом, уже не в состоянии дотянуться. Я не верил чуду, и его не произошло, донесся голос Растера:

– Всем спешиться!..

Я наконец понял: нечто огромное заслоняет нас от снежного урагана, это значит, достигли Орлиной горы.

– Охрана! – прокричал Растер. – Позаботиться о лошадях!.. Головной отряд – ко мне! Сэр Ричард, вы готовы?

– Совсем готов, – прокаркал я простуженным горлом. – Но пару слов обращения к народу... Никаких длинных речей, просто запомните: это уже наш замок!.. Наш. Мы не кочевники, что налетели, пограбили и убежали. А раз наш, то рубить там все и убивать всех – нельзя. Кто нам жрать подаст, если перебьем челядь?.. Убивать только тех, кто с оружием. Если оружие бросил – берете в плен.

Сэр Растер пробасил недовольно:

– Да слышали все это, сэр Ричард...

– Я хочу, чтоб и запомнили!

– Да запомнили, – повторил он с тоской. – Что это вы одно и то же...

– Потому что не запоминаете, – огрызнулся я. – Как горохом о стенку!.. Это мой замок, если уж хотите правду. А кто начнет устраивать поджоги, знайте – замыслил бунт и неповиновение сеньору!

В ответ прежнее молчание, но я чувствовал, что это проняло больше, чем абстрактные призывы к гуманизму.

– Все, – закончил я, – иду, иду...

Коней оставили больше потому, что какая-то коняка да ржанет, а это конец операции. Даже я слез с Зайчика, хотя в нем уверен, однако отец я нации или не отец?

– Мы за вами, – заверил Растер.

– Близко не подходите, – предупредил я.

– Но из виду не упустим, – сказал он сурово. – И не приказывайте такое.

Теперь я во главе отряда, на далеком острие. Ветер несколько раз менял направление, я закрывал глаза и вцеплялся в камень. Тропка совсем узкая, и хотя по ней в хорошую погоду проходят даже телеги, но их колеса стучат совсем рядом с бездной...

Проклятый ветер все усиливался. Дорога уже дважды обвилась вокруг горы серпантином, я одурел и мечтал остановиться и просто умереть вот так на обледенелых камнях, но сзади точно так же пробираются, а то и ползут рыцари и простые воины. Все верят, что их лорд – ого-го, а не охо-хо, и я ломился через встречный и боковой ветер, что то прижимал к стене, то пытался спихнуть в бездну.

Наконец в разрыве белой пелены увидел смутно белеющую, словно облитую молоком, высокую стену. Местный лорд с жиру бесился, выстроив такую высокую: при умелой обороне здесь можно держаться против любого войска вообще без стен.

Стиснув челюсти, я вслушивался изо всех сил, но только

завывание бури, шелканье крупной ледяной крупы по обледенелому камню, на котором лежу. Снег уже не снег, а злая ледяная крупа, ветер сечет ею щеки и подбородок, вдувает не только в пасть, я ее старался не открывать, но и в ноздри. Войдя в личину исчезника, я снова пополз, прижимаясь к земле. Крепостная стена иногда пропадала полностью, только крутящаяся белая метель перед глазами, а потом я почти ударился о нее.

Пурга закрывает видимость, какой дурак будет всматриваться в белую кружащуюся мглу, я чувствовал себя почти голым. Все так же в личине исчезника поднялся и побежал к стене, на ходу снимая с плеча крюк с длинной веревкой.

Сэр Растер и его группа затаились за камнями. Снег их постоянно присыпает так обильно, что я забеспокоился, как бы не похоронил вовсе. Крючок на веревке все не желал взлетать к вершине стены, застывшие пальцы слушаются плохо. Даже я за воем и свистом не слышал металлического звона и скрежета. Наконец, разозлившись, я метнул со всей силы. Крюк так и остался там наверху, а когда я подергал, веревка натянулась.

– Ну, – сказал я, – теперь надо вспомнить уроки ползания по канату...

Хрипя и задыхаясь, я карабкался, опираясь ногами на веревочные узлы, перед глазами все ползут и ползут вниз серые глыбы, размножаются они там наверху, что ли. Наконец последний ряд закончился, я увидел поверх стены массивный

замок в старинно-добротном стиле. Сдерживая стон, я перевалился на промерзший камень, ветер бросает на него снег и тут же сам сдувает, а я полежал, восстанавливая дыхание и, не восстановив, пошел, как грозный лев, на четвереньках, к башенке привратной стражи.

Дверь закрыта, стража внутри греется у переносной жаровни, какой дурак сунет нос на улицу... Я поколебался, но решил рискнуть, не люблю обнажать меч без надобности, я не мальчишка, а уже гроссграф или хотя бы коннетабль, а это тоже не хвост собачий, это почти государственный.

Обледенелые каменные ступени привели вниз. Я быстро осмотрел систему запоров, предусмотрена трехуровневая система защиты, но где сто мудрецов навяжут узлов, там один Александр Македонский с ходу решит проблему. Я тоже ученый малый, милая: быстро разрубил все гордые узлы: сперва с грохотом опустил подъемный мост, затем поднялись две металлические решетки, а засов из створок ворот я вытащил уже сам.

Ждать пришлось невыносимо долго, я страшился, что сухой стук падающего подъемного моста услышат даже в замке, но метель ревет и визжит на все голоса так яростно, что никто не высунул носа даже из караульной будки.

Ворота подались, я поспешно сбросил личину исчезника. Ворвались, засыпанные снегом, согбенные фигуры. Сэр Растер, блестя обнаженным мечом, в недоумении огляделся по сторонам.

– Вы что же... стражу порубили прямо в караулках?

Сказать, что не тронул, – признаться в гнилом интеллигентском человеколюбии, и я ответил гордо и с нужной долей напыщенности:

– Берите выше, сэр Растер!.. Я прошел так, что никто и не заметил!

– А-а-а, – сказал он озадаченно, умом понимая, что если я так говорю, то это класс выше, но не принимая еще отважным сердцем благородного рыцаря. – Тогда пусть ими займется сэр Альбрехт... А кто говорил про три ряда крепостных стен? Где они?... Я с вами в донжон.

Говорит он твердо, что и понятно: самый свирепый и решительный должен быть в самом опасном месте. Из снежной пурги появился Митчелл, тоже блестя обнаженным мечом, очень обескураженный.

– И что? – спросил он почти глупо. – Вот так просто?

– Не спеши, – предостерег я. – Все подтянулись?

– Почти все, – доложил он. – Только Миртуса...

– Что?

– Да двое несут, несут.

– Пусть не спешат, – рассудил я. – Итак, головной отряд – в донжон.

Из белого крутящегося кошмара вынырнула закапюшенная фигура, запыхавшийся сэр Альбрехт доложил:

– Казармы, как вы и велели, сэр Ричард, блокированы!.. Я с вами.

– В казармах много народу, – предостерег я.

– Там я оставил стеречь своих людей, – возразил он. – Две двери подперты, окна закрыты. Никто не выйдет!

– Хорошо. Начали.

Почти всей группой мы пробежали через воющий снежный ад, за несколько шагов до ворот донжона я сорвал с пояса молот и швырнул в дверь. За воем и свистом даже мы не слышали треска и грохота. Осколки двери исчезли, подхваченные бурей, а белый от ярости ветер злорадно вломился в пролом раньше рыцарей.

Из метели вынырнули двое, волоча Миртуса. Он прохрипел:

– Погодите... Вдруг там магическая защита...

– Успевай, – посоветовал я и, поспешно повесив молот на место, с обнаженным клинком прыгнул в донжон. Буря вбросила в выбитую дверь такую массу снега, что в холле сразу стало по щиколотку, а когда мы пробежали наискось и распахнули дверь в нижний зал, ветер ухитрился и туда вдусть снежное облако.

Язычки огня редких светильников заколебались и погасли. Мы оказались в крошечной тьме. Я поспешно создал шарик огня, и в его тусклом свете все начали разбегаться: группа по лестнице, остальные врывались во все двери, ведущие из зала в каморки, где не только челядь, но любят ночевать и солдаты охраны. К тому же я велел не убивать челядь, но не запрещал насиловать, это уж было бы совсем дико и не

только противоречило бы кодексу войны, но и лишало бы половины прелести всех побед и завоеваний.

Запахавшийся Миртус уже сбросил тяжелый плащ и с двумя амулетами в руках выискивал следы магии, что-то обезоруживал, что-то нейтрализовал, затем взял некий след и метнулся к неприметной двери. Я кивком головы послал за ним двух простых воинов. Те беспрекословно бросились следом, хотя, конечно, всяк мечтает взобраться наверх и пограбить. Я ведь объявил себя хозяином этого замка и подвластных ему земель, но не всякой мелочи, что в кладовках, на столах, стенах, в сундуках.

Наконец под рев врывающейся в распахнутые двери снежной бури раздались крики, лязг оружия. Ураган резко смолк, это двое рыцарей из группы Альдера закрыли двери и остались там с обнаженными мечами, чтобы никто не ускользнул из захваченного здания. Я напомнил себе, что их надо отметить особо, это суперстойкость, когда приходится стоять на месте и видеть, как другие разносят замок, убивают, грабят, насилуют, упиваются торжеством победителей.

По всему замку уже не бой, а резня, я запоздало крикнул барону Альбрехту:

– Надеюсь, у графа Белоголового нет трех или десятка прекрасных дочерей?

Альбрехт оскалил зубы:

– Вас это волнует?

– Еще бы!

Он покачал головой:

– Не понимаю вас. Иногда выглядите таким прожженным циником, а иногда о такой ерунде беспокоитесь! Не волнуйтесь, нет у него дочерей. Вовсе.

– А жена?

Он отмахнулся.

– Жена представилась перед Богом полгода назад, а он все выбирает побогаче...

– Слава Богу, – выдохнул я с великим облегчением. – Ну не люблю вытирать слезы всяким там сироткам!.. Мне бы так, чтобы кто-то порешил их до того, как узнаю, что эту досадную проблему уже решили, пусть и негуманно. В порядке сопутствующих неизбежных потерь среди гражданского населения.

– Больно вы сентиментальный, – буркнул он с неодобрением. – Впрочем, политик не должен этим заниматься лично, вы правы. Это пятнает, если лично. Политик должен дистанцироваться, а если где что в его владениях случается – вопреки кодексу, то это вассалы, а то и простолюдины пошалили, вы за всем уследить не можете, но все же выказываете сочувствие и сожаление...

Он говорил несколько рассеянно и осматривался с мечом в руке по всему залу. Мне тоже не очень верилось, что захватили неприступный замок так легко. Барон встретил мой взгляд, на губах мелькнула слабая усмешка.

– Вы были правы, сэра Ричард.

– Слишком легко, – согласился я. – Даже не верится. Задницей чувую, что это еще не все...

– А что может быть еще? – спросил он с сомнением. – Впрочем, пойду посмотрю. Сэр Растер иногда увлекается...

Через заснеженный дверной проем вошли Митчелл и трое его людей, Митчелл доложил с ходу:

– Из казармы пытались вырваться.

– И как?

Он кровожадно ухмыльнулся.

– Трех положили сразу. Остальные выходить не решаются.

– Эх, – сказал я с досадой. – Двери же были подперты? Или нет?.. Ладно, пойдем.

Мы вышли в слабый рассвет, восточная часть горизонта быстро светлеет, в небе вспыхнуло красным первое облачко.

Казармой для солдат служит массивное каменное здание, длинное, угрюмое, с узкими окнами-бойницами, зарешеченными толстыми железными прутьями. Двери подперты бревнами, но с той стороны прорубили топорами широкие дыры. На этом наступательный порыв угас: арбалетчики Растера и лучники Митчелла послали в пролом столько стрел, и больше никто не пытался рубить двери.

Снег оглушающее скрипит под сапогами, я подошел к – казарме ближе, но встал так, чтобы не всадили болт из арбалета.

– Эй вы там!.. – прокричал я зычно. – Сейчас с вами гово-

рит гротсграф Армландии, великий и ужасный сэр Ричард!.. Эту свинячью постройку, которую здесь именовали замком, я захватил легко и без потерь. Владелец замка убит...

Один из воинов примчался с головой Белоголового в руках и с разбега забросил в выбитые двери. Слышно было, как там раздаются проклятия и звон металла.

Я крикнул победно:

– Убиты все, кто не бросил меч! Вы тоже будете убиты, если не выйдете без оружия и с поднятыми кверху руками. Мы пленных не берем, понятно?.. С другой стороны, мне нужны люди, которые будут служить мне. Это доступно?.. А вам не лучше ли принести присягу могущественному лорду, который уже доказал свою силу, чем хранить верность дохлому трупу убитого?..

После долгой паузы донесся угрюмый голос:

– А что насчет жалованья?

– Хороший вопрос, – одобрил я. – Жалованье останется прежним. Так что ничего не изменится, кроме хозяина. Но хоть какое-то разнообразие, верно?

Через пару минут из казармы начали выходить с поднятыми руками одетые в хорошие доспехи люди, но без оружия и даже без поясов. Я перевел дыхание, все хорошо, кивнул Альбрехту и Растеру, действуйте, а сам вернулся в донжон.

В холле, в зале и даже на лестнице ни одного убитого. Только на втором этаже перешагнул через пару трупов в ночном белье, да еще на третьем несколько убитых лежат попе-

рек коридора, все полуголые, а один и вовсе голый, но с оружием в руках, так что все правильно: сопротивлялись – получите.

В дальней комнате трясутся две насмерть перепуганные молодые служанки, пышненькие, накрашенные, с глубокими вырезами платьев. Если вспомнить, что граф Белоголовый был вдовцом, то понятно, какую функцию эти выполняли в его покоях.

Обе бухнулись на колени, хотя от женщин этого не требуется, а я приказал сурово:

– Отравляйтесь вниз. Соберите челядь, уберите трупы, замойте кровь!

– Да, ваша милость, – пролепетала одна, – мы все сделаем...

– Ваша светлость, – поправил я грозным голосом и пошел с мечом наготове дальше, проверяя комнаты, гардеробные, покои для сна.

Хотя до меня здесь уже прошлись, видны жадные руки, срывавшие золотые безделушки даже со стен, но все же в жадности за добычей что-то могли и недосмотреть, а у меня глаз уже наметан.

Миртус привел двух невзрачных мужчин, оба сразу бухнулись на колени и покорно склонили головы.

– Местные маги, – объявил Миртус. – Кулан и Кеттен. Кулан – автор трактата о лесных зельях, а это его ученик. Их застали врасплох, они ничего не успели сделать...

– А могли бы? – спросил я.

Миртус нехотя кивнул.

– Урон бы нанесли.

– А защитить замок?

Он поколебался с ответом.

– Думаю, в одиночку нет, но этого и не надо. Достаточно было поднять тревогу и чуть задержать нас...

Я кивнул:

– Верно. И что ты предлагаешь с ними сделать? Миртус, ты теперь главный!

Оба пленника смотрели на него со страхом и надеждой. Миртус заговорил торопливо:

– Не хочу сказать о них плохо, ваша светлость, но от людей нашего сословия не требуют присяги и верности. И рабботали они не над укреплением замка, этого от них тоже не требовалось, а добывали философский камень...

– Добывали?

– Искали, – поправил он себя.

Маг, который Кулан, вставил торопливо:

– Мы уже близко подошли!.. Осталось чуть-чуть...

Миртус быстро посмотрел на меня, приказал ему внятно:

– Заткнись.

Я сказал размышляющее:

– Мне их верность не нужна, да и вообще наука должна служить истине, а не человеку. Но времена жестокие, так что, если хотят жить, пусть присягнут в верности и послу-

шании тебе. Отныне ты – господин их жизней, а также научной деятельности. Меня задолбало повторять всем, что мне нужно, так что сам все и объяснишь. И еще... Миртус, моя казна не бездонная, но ты смелее обращайся за финансированием. Тем более теперь, когда у тебя двое, как понимаю, помощников.

Маги смотрели на Миртуса с отчаянной надеждой. Тот, вместо того чтобы надуться от осознания своей важности, напротив, съежился, будто от неловкости.

– Да-да, – произнес он торопливо, – они будут хорошими помощниками... Можно им встать?

Я кивнул и небрежным движением длани отправил магов прочь.

Глава 5

В нижнем зале загремел нелепый страшный пир. Пылают два больших камина, рыцари развешивают на металлических прутьях промокшую одежду, а украшенные ссадинами и кровоподтеками челядины поспешно таскают на стол все съестное, что отыскалось на кухне, а также, конечно, вино и еще вино.

Дрожащий от ужаса повар с помощниками спешно готовил для захватчиков, Митчелл отыскал музыкантов и заставил их под угрозой немедленного повешенья играть хорошо и весело, а служанки в разорванных платьях и с заплаканными мордочками, поджимали покусанные губки и робко заносили в зал новым хозяевам кувшины и глиняные бутылки с вином.

Я видел, что каждую из них уже не раз изнасиловали, мужчин в замок ворвалось все же побольше, чем здесь женщин, но помалкивал. Сейчас все еще в упоении короткого и яростного боя, ослепительной победы, которой надо насладиться по самой полной. Насколько я помню, захваченные города всегда отдавали на разграбление победителям, разница была только в сроках: иногда на сутки, чаще на неделю, но обычно устанавливали для этого три дня, а потом в силу вступал закон, защищающий горожан. И это касается не только Средневековья, так поступали египтяне, римляне, поляки, укра-

инцы, русские, и только в двадцатом веке это кончилось... как официальное, а грабили только как бы сами с молчаливого попустительства властей. Немцы грабили русские города, русские грабили немецкие, хотя и те и другие являлись как «освободители».

А кто я, чтобы отменять самую высокую и могущественную страсть, рожденную войной, когда любой, врываясь в захваченный город, – полный властелин над честью, имуществом и жизнями побежденных? Как еще лучше продемонстрировать преимущество себя, своего сеньора, своего народа и своей веры, как не изнасиловать женщину на глазах ее умирающего мужа?

Я вошел в зал, все встали и прокричали здравицу. Я видел искренний чистый восторг в ясных глазах рыцарей, теперь они за мной хоть в ад. Сэр Растер полез обниматься, меня тискали, хлопали по плечам, целовали все рыцари, наконец Альбрехт выдрал меня из рук рыцарской общественности, я дал себя оттащить по направлению к лестнице.

– Сэр Ричард, – заговорил он восторженно, – это было великолепно! Я все жду какой-то каверзы, слишком все получилось хорошо, но умом понимаю, что ее не будет. Вы сделали все великолепно!

– Мы сделали вместе, – возразил я.

Рыцари возвращались за накрытый стол, я начал подниматься по лестнице, барон шел рядом, с удивленным видом тряс головой.

– Нет. Все мы понимаем, что замок захвачен благодаря вам. Мы как привыкли?.. Дождаться лета, а затем с развернутыми знаменами ехать захватывать замок. Да еще и предупредив тамошних хозяев, чтобы все по-рыцарски честно!.. Понятно, такой замок, как Орлиный, подобным образом не –захватить. Потому и жили так беспечно. Думаю, даже в хорошую погоду охраняли замок так же паршиво.

Я сказал весело:

– Нет, барон, и не уговаривайте!.. Если надо, снова пройдем через такую жуть, но рисковать не будем.

– Пройдем, – подтвердил он. – У нас совсем нет потерь!.. Да ради такого результата можно хоть неделю ломиться через выюгу...

Я взял его за плечи и развернул обратно.

– Идите пируйте, барон. Вы в какой-то мере являетесь там стабилизирующим фактором.

По коридору бодро прохаживаются двое с короткими копьями в руках, лихо отсалютовали, обдав меня винными парами. Я кивком зазвал их в апартаменты бывшего лорда, втроем растянули карту на самый большой стол. Здоровенные мужики испуганно крестились и шептали молитвы, глядя, как появляются на карте новые реки, болота, леса, города и даже деревни.

– Во славу Господа, – сказал я внушительно. – Кликните в мои покои... отныне и это мои, сэра Растера!

– Во славу, – ответили они и поспешно отбыли за дверь.

Я медленно обошел стол, как планету звезду, постаравшись посмотреть на Армландию и со стороны Турнедо, и Фоссано, и даже Шателлена. Опасен только Гиллеберд. С королем Шателлена Роджером Найтингейлом – прочный и взаимовыгодный союз, да только между нами зловещий Орочий лес...

Союз останется на бумаге, пока не сумею обезопасить дорогу из Армландии в Шателлен и обратно. А для моих далеко идущих планов обезопасить надо. Хотя, конечно, рудники и в Армландии есть, даже немало, но у меня планы не только далеко идущие, но и грандиозные. Металла потребуется много.

Я нависал, растопырившись, над картой, когда ввалился в комнату сэр Растер: огромный, как тролль, громыхающий, распространяя ароматы вина, жареного мяса, крепкого мужского пота и сурового обаяния.

– Сэр Ричард, – сказал он с порога прочувственно, – дайте вас обнять!.. Нам за столом вас так не хватает, ну так не хватает!

– Душой я всегда, – заверил я. – И всем рыцарским сердцем, полным безумной отваги и благородного огня!

Он обнял меня, сказал растроганно:

– Как вы хорошо сказали! Насчет огня и этой... отваги. Я вот все чувствую, как ваш Бобик, а сказать складно могу не больше, чем мой конь. Сэр Ричард, чую в воздухе запах кровавой брани!

Я спросил настороженно:

– Почему? Где? Что случилось?

– Не знаю, – ответил он простодушно. – Но вы изволили послать за мной, а не, скажем, за бароном Альбрехтом...

– А-а-а, – ответил я, – всякий раз дивлюсь вашей проницательности, сэр Растер! Вы, хитрец, работаете под простого такого рубаку, а на самом деле дипломат, мудрец, хитрюга, умелый мыслитель!

Я погрозил ему пальцем, он довольно заулыбался, выпятил грудь и сказал довольно:

– Вообще-то да, вы меня раскусили, сэр Ричард... А в чем понадобилась моя врожденная мудрость?

– В сложном, – ответил я со вздохом. – А еще больше мне нужна ваша приобретенная мудрость, что тоже весьма и весьма... Я почему-то уверен, что вы знаете не только таверны, но и дороги к ним...

– Эт точно, – заверил он. – Какие вас интересуют?

– Меня интересует вот этот лес, – сказал и указал пальцем на карте.

Сэр Растер воскликнул незамедлительно:

– Но это же владения Гиллеберда!

– Знаю, – ответил я. – Вы хорошо разбираетесь в карте. Насколько помню, вы все королевство прошли вдоль и поперек...

Он воскликнул, подкручивая ус:

– Не только, сэр Ричард, не только. Я поскитался всюду, и

если где-то слышу, как ребенок зовет папу, на всякий случай оглядываюсь.

– Через этот лес ездили?

Он внимательно всмотрелся в гигантский массив леса, кивнул:

– Да. Пару раз приходилось сокращать путь. Этот лес пользуется недоброй славой. Туда стараются не соваться... Я не побоялся, я ж всегда полон безумной отваги! Да и гнались за мной уже с веревкой наготове. В том лесу еще крепость есть заброшенная... Огромная, но что-то в ней случилось, люди не то вымерли, не то убежали, с тех пор там пусто.

– Точно никого?

– Никого, – заверил он. – Второй раз я там был совсем недавно.

– Тоже от каких-то неблагородных людей?

– Нет, просто так упился, что не соображал, что мне говорят, а поперся напрямик.

– И?..

– И ничего, – ответил он хладнокровно. – Ни души не встретил. Мимо крепости проехал, когда уже чуть протрезвел. В замке темно и тихо, подъемный мост опущен, так я еще на него плюнул. А просто так. Нечего!.. А что? Я такой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.